

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

12 ноября 2013 – 14:00

Троицкий
Константин Евгеньевич

«Этическая Вселенная» Макса Вебера

Проспект доклада

Известный австралийский социолог Брайан Тернер написал не так давно: «Понять современность – это понять Вебера»¹. Примерно так думает не только он один. В чем же именно притягательность Вебера, которая обращает нас из сегодняшнего дня к мыслям этого немецкого классика высказанным около ста лет назад? Почему эта притягательность не в последнюю очередь распространяется на этику? Что можно сказать об этике у Вебера? Таковы центральные вопросы вокруг которых будет обращаться мое выступление. Наивно тут устремляться напрямик. Для того чтобы приблизиться к ответам надо попробовать представить то, с чем мы имеем дело, понять то «пространство» Вебера, в котором ответы будут представляться возможными. Но наши вопросы в любом случае не могут быть сведены в процессе рефлексии к одному исчерпывающему ответу. Мы живем с тенью Вебера, а не с его портретом, но по тени можно кое-что сказать о нем самом, а главное, как в тесте Роршаха и о нас самих, тех, кто задумывается об этической проблематике. Чтобы приступить, нам надо выделить структурные положения, они и будут каркасом всего доклада. В определенной степени эти положения аксиоматические, но они имеют серьезные основания, хотя и могут показаться на первый взгляд противоречивыми. Обсуждение их не входит в мою цель, так как увело бы от современного звучания к историческому исследованию, для меня они следующие: 1) Вебер не писал ничего сугубо этического; 2) Этическим проникнуто все центры его мысли и интересов, при этом собственно об этическом он говорит апофатически. В этом он сходен с Витгенштейном.

Я выделяю три основных измерения, в которых выражается этическая мысль Вебера: религия, теория науки, политика. Они задают «этическое пространство» немецкого мыслителя. Конечно, можно говорить, что Вебера интересовали еще экономика, право, путешествия, картины Макса Клингера, способы борьбы с бессонницей и т.д. Но если мы спросим у себя, что мы в первую очередь вспоминаем из идей Вебера в области этики, то это будет: протестантская этика, этика убеждения и этика ответственности, свобода от оценки. Я исхожу из того, что каждое измерение определяется какой-то центральной этической идеей. Для религии это будет (при всем интересе к протестантской этике) – этика убеждения, для политики – этика ответственности, для науки – свобода от оценки. Но прежде чем изложить

---

¹ Turner B.S. Max Weber. From History to Modernity. – USA: Routledge, 1993, p. VII.

эти три идеи, то есть задать координаты и вывести «этическое пространство» Вебера, позвольте мне, пожалуйста, кратко коснуться первого положения.

Под «сугубо этическим» я понимаю попытку возведения системы или системных оснований, которые могли бы дать единый подход или мировоззрение. Для иллюстрации того, почему к научной мысли Вебера это не применимо, я приведу одну цитату из его юношеского письма, когда он был еще молодым и неизвестным аспирантом. В то время в доме появился молодой воспитатель его младшего брата, Вебер сблизился с ним, но благодаря интеллектуальной одаренности и начитанности выступал как гораздо более старший. Видя глубину, зрелость, многосторонние знания Вебера, молодой человек спрашивал его мнение по религиозным и этическим темам. Вот как сам Вебер описывает это: «Хотя мне и не известно, что сказал бы теолог по поводу моих ответов господину V, на его многочисленные вопросы – некоторые из них в первый момент поражали, - например, “Что Вы думаете о крещении?” или “Как бы Вы в качестве проповедника определили свое вероисповедание?” - но полагаю, что во всяком случае в меру своих сил я в каждом случае пояснял ему, с *каких различных точек зрения* можно подойти к ответу на эти вопросы»². В этих словах Вебера, которые становятся и его личной максимой на всю жизнь, уже есть та идея, которая прозвучит как постулирование «политеизма ценностей», а гораздо позже у Макинтайра отзовется следующим утверждением: «Современное видение мира, по моему предположению, является по большей части веберовским, хотя это не всегда верно на уровне деталей»³, чуть ниже он поясняет: «Вера в неистребимый плюрализм ценностей является непоследовательной и центральной веберовской темой»⁴. На самом деле Макинтайр прав лишь отчасти, так как Вебер не употребляет слово плюрализм, а «политеизм» отличает от плюрализма то, что ценности или разные мировоззрения конфликтуют между собой, если рассматривать их с точки зрения нравственного выбора отдельной личности. Впрочем, это есть и у самого Макинтайра, когда он говорит, что современный этический дискурс не может дать ответ на ряд ключевых вопросов, «Допустим аборт или нет?» или «Допустимо ли насилие или нет?» и т.д. Этический дискурс представляет ныне ряд фрагментов, которые не выстраиваются в единое целостное видение, которое можно было бы принимать как единственно верное. Кстати, творческое наследие Вебера по большому счету тоже ряд фрагментов, автор которых и не претендует на систему, наоборот подчеркивает «несоединимость».

Религия

Под этическим углом зрения в религии, особенно для нас, кто смотрит из сегодняшнего дня, выделяется этика убеждения. Конечно, очень важно понимание и протестантской этики, но она является во многом примером этики убеждения. В этическом размышлении этику убеждения вспоминают гораздо реже, чем этику ответственности, хотя в

---

² Цит. по: Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007, с. 138.

³ Макинтайр А. После добродетели. – М.: Академический Проект, 2000, с. 150.

⁴ Там же, с. 152.

работах Вебера первая выступает гораздо более отчетливо и ясно, чем вторая. Та ныне уже банальная и повторяющаяся мысль, что религия не ушла из жизни, была выражена четко у немецкого мыслителя. Этика убеждения берет основы именно в религии, одно из ее названий «Этика Нагорной проповеди», а главная максима словами Вебера: «Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога»⁵. Но на место Бога может быть поставлена идея коммунизма, национал-социализма, всеобщего разума и т.д. Религиозный словарь активно использовали идеологи и пропагандисты этих течений. Можно вспомнить лишь культ вождя с мавзолеями и посвящениям в коммунисты, а также языческие основы национал-социализма. Это общеизвестно. Но малоизвестно, что Вебер считал, что этика убеждения в чистом и последовательном виде практически не достижима в современном мире. Важно здесь то, что именно этика убеждения и является для Вебера этикой по существу. Когда Вебер говорит об этике, то он обычно говорит именно об этике убеждения. Христианин оказывается в разных порядках, которые противоречат друг другу и он не может поступать как должно христианину, если только он не изолируется от мира. То есть Вебер не верил, что человек может быть последователен в этике убеждения и жить в миру. Фактически, разговор Вебера, что он неоднократно отмечает - это разговор о кризисе этики, в том числе о кризисе протестантской этики. Ведь надо четко понимать, что этика ответственности, со стороны этики убеждения, не является этикой.

Вывести точку зрения, из которой возможны разные религии, разные этики, разные ценности, помогла наука, она же устранила необходимый для этики убеждения монизм или доминирование религиозно-этической сферы. Это второе измерение «пространства» Вебера.

Наука

Этика в науке предстает, с одной стороны, в ее основаниях, с другой стороны, в требовании «моральной эпохе», то есть свободы от оценки. Отстраненное рассуждение о морали не равняется нравственному поведению, рассуждение о ценности способно превратить ценность в пустую форму, обращаться в факт, который утрачивает самое главное в ценности – долженствование, хотя и обретает существование. В науке я рассуждаю о ценности с позиции того, что она как бы что-то требует. Единственное долженствование науки, ее ценность и ее «законодательство», это то, что ценности не должны определять мое исследование, что они должны подчиняться поиску истины. Если я историк, то я должен делать не то, что хорошо с точки зрения миссионерства или политики. Например, если я исследую печальные страницы сотрудничества РПЦ с советской властью, я должен излагать то, что было, даже если я православных убеждений. Дискуссия о свободе от оценки вновь и вновь обращается к Веберу, так как в высшей степени утрированием было бы утверждать, что немецкий ученый просто вывел науку из ценностной системы координат. Ни в коем случае, наоборот, Вебер обосновал, что сама наука не способна обосновать себя. Ценность науки задается извне. Привносится самим ученым с его ценностями. Я бы даже сказал, что ее

---

⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990, с. 697.

ценности точно также имеют оттенок религиозного. Но с помощью науки человек начинает различать плюрализм ценностей. Ученый смотрит с той точки зрения, с которой ценностей много и они равны между собой. Это выступает лишь констатациями, фактами. Если обращаться к личности человека, то ему предстоит тяжелый выбор, в котором ему наука может лишь помочь, но не решить за него. Наука обнажает и в тоже время создает ценностный конфликт, как говорил Вебер: «Судьбы культурной эпохи, “вкусившей” плод от древа познания, состоит в необходимости понимания, что *смысл* мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было, что мы сами призваны создать этот смысл, что “мировоззрения” никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, высшие идеалы, наиболее нас волнующие, во все времена находят свое выражение лишь в борьбе с другими идеалами, столь же священными для других, как наши для нас»⁶. В современном мире для Вебера очевиден ценностный и этический «политеизм», человек, который хочет действовать в мире, уже не может удовлетвориться этикой убеждения. Наука своим существованием, своим методом констатирует, что мы живем «в богочуждую, лишенную пророка эпоху»⁷, а это уже факт, а следовательно, этика убеждения уже не работает, или работает на политических фанатиков, которые заменяют Бога своими фюрерами и идеями о земном рае или рейхе. Ему требуется новая этика, этика борьбы, личного выбора, ответственности, готовности жить без рая, в первую очередь это требуется как раз в области политики. Адорно, который активно использует этический лексикон Вебера, заключает: «Если сегодня что-то еще следует называть моралью, то это что-то непременно должно быть связано с определением пути развития мира. Можно сказать и иначе: вопрос о правильной жизни — это сейчас вопрос о правильной политике»⁸.

Политика

Итак, в центре политической мысли Вебера, если рассматривать ее сквозь этические проблемы, находится этика ответственности. Сейчас слово «ответственность» звучит в широком диапазоне и становится, как в случае с Йонасом или Левинасом, даже центром метафизических построений. Ответственность, согласно Веберу, обращается вокруг выбора индивида, ответственный человек – это зрелый человек, это человек уже не традиции, так как в современном мире традиция рвется наукой и технологиями. Ответственность для немецкого мыслителя – это еще и действие в «этически иррациональном мире», в мире различных ценностных систем, но без твердых ориентиров. Какого-либо разумного закона вроде императива Канта тут нет, есть этическая неопределенность. Поэтому этика ответственности гораздо более индивидуализирована, исторична и «субъективна», чем этика Канта, которая подразумевала возможность действия согласно императиву без рефлексии об этом императиве. Это работает для людей, которые жили задолго для Канта и вне

---

⁶ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990, с. 352-353.

⁷ Вебер М. Наука как призвание и профессия. – М.: Прогресс, 1990, с. 731.

⁸ Адорно Т. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000, с. 202.

философских размышлений. Согласно Веберу, центр нравственного действия, «локус контроля», центр принятия решения перемещается в индивида, в его готовность волевым усилием принять и построить от себя ту или иную этическую систему координат. Вебер формулирует максимум этики ответственности следующим образом: «Надо расплачиваться за (предвидимые) *последствия* своих действий»⁹. «Категорический императив» Вебера замыкается на конкретном индивиде. Но по сути императив Вебера точно также формален, как и императив Канта, но в отличие от последнего он не замыкается на разуме, а сводится к индивидуальной воле. Отсюда этика ответственности, ценностные позиции политика не могут существовать без глубинного основания в убеждениях, но убеждения здесь не главное, они лишь должны быть. Перемещение от общего к индивидуальному приводит к трезвому пониманию, что индивидуальное будет сталкиваться, так как оно не координируется ничем общим. Убеждения в этике ответственности в отличие от убеждения в этике убеждения постулируют путь не к умиротворению, а к конфликту, к борьбе. Когда Вебер хочет дать примеры носителей этики убеждения, то он называет фигуры Будды, Христа, Франциска Ассизского и Льва Толстого. Все они были убежденные миротворцы и звали «к вечному миру». Вебер звал к готовности жить в вечной борьбе. Ответственность и есть вечная борьба, руководствоваться этикой ответственности, по Веберу, это готовить грядущее поколение к вечной борьбе. Как говорит Вебер: «Не мир и человеческое счастье мы обязаны передать нашим потомкам в путь, а *вечную борьбу* за сохранение и возвращение нашей национальной породы»¹⁰. Вебер – это Анти-Толстой.

Подводя итоги описанным трем измерениям, надо отметить, что из-за того ли, что у Вебера преобладала сфера политики, или из-за чего-то еще, но борьба стала и определяющей в отношениях между политикой, наукой и религией. Работы Вебера полны тем, что наука конфликтует с политикой и религией, а религия с политикой и наукой. Таким образом, три измерения сильно искажаются четвертым измерением, которое и есть измерение конфликта, а так как политика для Вебера является выразителем конфликта и борьбы по существу, в самой своей природе (а как было иначе во время революций и Мировой войны?), то этика ответственности и выходит на первый план. Но одновременно три измерения и теснейшим образом связаны между собой, даже обуславливают друг друга.

В свете вышесказанного я бы хотел напомнить семь основ этики постмодерна, как их озвучивает Бауман и отметить интересное созвучие. 1. Моральная амбивалентность (люди ни добры, ни злы по природе); 2. «Моральные феномены» нерациональны; 3. Моральность – апоретична и неразрывно связана с конфликтом; 4. Моральность не может быть универсализуема, то есть субъективна; 5. С точки зрения рациональных порядков, моральность связана с иррациональностью; 6. Первая реальность себя – моральная ответственность; 7. Взгляд постмодерна не равняется моральному релятивизму¹¹. Разве они

---

⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990, с. 697.

¹⁰ Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы. (1895-1919) / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2003, с. 24.

¹¹ Bauman Z. Postmodern Ethics. – UK.: Blackwell Publishing, 1993, p. 10-15.

не выводят того, что было уже в идеях Вебера? Можно спорить с этими выводами, многие этим обоснованно и занимаются, можно спорить со всем на свете, но самым реальным и центральным в итоге оказывается сам спор. Когда обсуждали мою диссертацию на кафедре, то один из рецензентов сказал, что смотреть на этические идеи Вебера как на выражения мировоззрения борьбы, то эта идея пустовата и хорошо, что моя диссертация не свела все к этому. Я полностью согласен, возможно, идея борьбы и конфликта даже неинтересна и примитивна, хотя, разве кто-то скажет, что прошедший век был веком мира, гармонии и процветания? Безусловно, мысль Вебера более сложна и многомерна и это необходимо показывать. Но, возможно, что в этике наиболее существенным является это четвертое измерение, которое ведет либо к попытке оправдать насилие, либо наконец надо признать, что этически насилие неприемлемо, что в эпоху массового оружия, у человечества нет другого выбора, как стремиться к вечному миру. Сможем ли мы найти точку мира и согласия, чтобы ответственно завещать будущим поколениям счастье, а не борьбу, надежду на вечность, а не историзацию и субъективацию этики, вот важнейший вызов, который оставил нам немецкий мыслитель. Для этого, возможно, нам потребуется совершить массовую миграцию в другую Вселенную, но не во вне, а внутри себя.